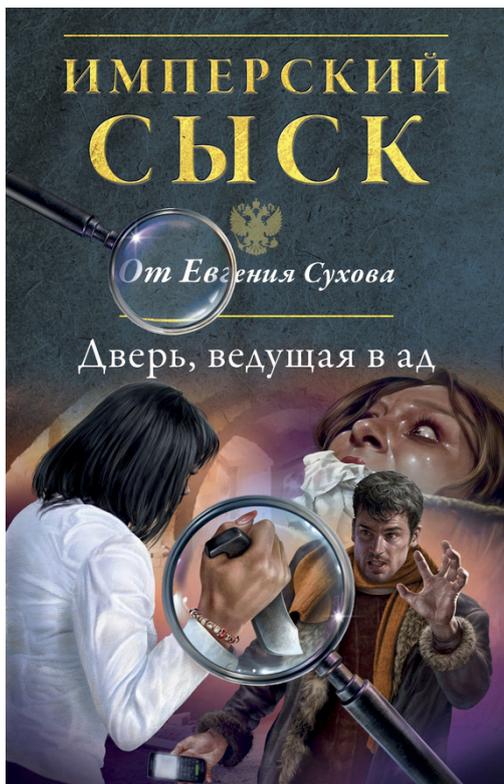

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Дверь, ведущая в ад

Расследования криминального репортера

Евгений Сухов

Дверь, ведущая в ад

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Дверь, ведущая в ад / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2015 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-457-89715-1

В разгар новогодних праздников в Измайловском парке был найден труп молодой девушки Ларисы Бекетовой со следами насилия на теле. Журналист Аристарх Русаков, за плечами которого было уже не одно раскрытое убийство, отправился на место преступления. Он выяснил, что Лариса работала в кафе «Берлога», расположенном неподалеку от места преступления. Одна из сотрудниц кафе рассказала Русакову, что Лариса встречалась с молодым человеком, который, как выяснилось, оказался братом известного в Москве преступного авторитета... Хрупкая конструкция преступления уже начала складываться, как вдруг рухнула в одно мгновение: прохаживаясь по вымерзшим тропинкам вокруг страшного места, Аристарх вдруг почувствовал запах, который ни с чем не мог спутать: запах жилья и печного дыма – и это в самой глуши заваленного сугробами лесопарка!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-457-89715-1

© Сухов Е. Е., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Сухов

Дверь, ведущая в ад

© Сухов Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Новый год с Ириной, или Фатальная привязанность к Измайлово

Пробка вылетела с оглушительным хлопком. Затем из горлышка с шипением упруго ударила пенная струя. Ирина едва успела подставить под нее бокалы, но все равно часть игристого шампанского хлопьями пролилась на стол, уставленный блюдами с закусками. Вот не хотели же готовить столько еды, но куда денешься: Новый год! В этот праздник полагается наесться до отвала разными вкусностями, недоступными в обыкновенные дни. То бишь так заведено и в крупных городах, и в неизвестных глубинках Российской Федерации.

Куранты на Спасской башне Кремля начали размеренно и торжественно отбивать удары: один, второй, третий... пятый. Когда прозвучал двенадцатый удар, мы с Ириной звонко чокнулись фужерами, выпили и одновременно закричали: «Ура-а#а!» А потом расцеловались.

Закричали «ура» и за стенкой у соседей. Здравствуй, две тысячи пятнадцатый год!

– Я хочу, чтобы в этом году исполнились все твои желания, – с пафосом произнесла Ирина.

– Все? – осторожно переспросил я, думая о самом запретном.

– Все, – охотно подтвердила Ирина.

– Любые? – снова спросил я, немало озадачиваясь.

– Любые! – с прежней готовностью ответила она.

И тут я вспомнил про подарок: золотое кольцо с крупным изумрудом в обрамлении бриллиантов. Куда же я его положил? Вот незадача!

– Ты куда? – удивленно спросила Ирина, глядя, как я поднимаюсь из-за стола.

– Я сейчас, – произнес я и, отведя взгляд в сторону и протопав в прихожую, принялся обшаривать свою одежду. Коробочка с кольцом нашлась в боковом кармане дубленки. Вернувшись в комнату к накрытому столу, я молча сел и загадочно посмотрел на Ирину.

– Что? – спросила она, немного недоумеая от моего загадочного вида.

– Ничего, – ответил я. – Просто хочу сделать тебе подарок. Первый в новом году...

– Да? – Ирина была заинтригована, хотя то, что ее ожидает подарок, вряд ли явилось для нее такой уж неожиданностью. Ведь на Новый год положено дарить друг другу подарки. Традиция, так сказать... – Надеюсь, этот подарок не станет первым и последним? – спросила она с улыбкой.

– Я тоже надеюсь, – сказал я и протянул ей коробочку, обитую бархатом.

Когда Ирина открыла ее, то не смогла сдержать восторга (на что я очень рассчитывал). Достав колечко, она быстро надела его на палец, повертела так и сяк ладошкой, оценивая, как смотрится кольцо на ее длинном тонком пальчике, а потом бросилась мне на шею:

– Спасибо, милый...

– Нравится, значит? – произнес я, воспользовавшись паузой между поцелуями.

– Безумно нравится! Наверное, это кольцо очень дорогое, – искоса и пытливо глянула на меня Ирина.

– Ну, не так, чтобы очень... – уклончиво ответил я, вовсе не собираясь называть ей цену колечка. – А вообще мне для тебя ничего не жалко. Даже премиальных.

И это было чистой правдой.

Полубовавшись подарком, Ирина вдруг спохватилась и произнесла:

– А у меня для тебя тоже есть подарок! – Она полезла в свою сумочку и достала из нее аккуратную прямоугольную коробочку, перевязанную лентой. – Вот... С Новым годом! С Новым счастьем!

После сладкого поцелуя я развязал ленту и открыл коробочку. Внутри нее лежал черный бумажник с тиснением, закрытый на кнопку. От него исходил благородный запах хорошо выделанной кожи.

Я достал бумажник, бережно погладил лайковую кожу, отстегнул кнопку и раскрыл его: два больших отделения для бумажных купюр разного достоинства, кошелек для монет в виде небольшого конверта, несколько кармашков для кредитных карточек, откидной блок для документов, опять-таки пристегивающийся кнопкой – все было просто замечательно! Я давно хотел завести себе именно такой солидный бумажник, куда можно было бы складывать деньги и документы, чтобы не рассовывать их по карманам, как я это привык делать. Надо сказать, столь скверная привычка меня подводила не однажды, бывает, деньги сыпятся из карманов, как горох из дырявого мешка! Что ж, Ирина угадала со своим подарком в самую точку...

– Нравится? – весело спросила она, наблюдая, как я закрываю и открываю бумажник.

– Очень, – искренне ответил я.

– Я рада и желаю, чтобы этот бумажник у тебя всегда был пузатеньким.

– Спасибо, – произнес я и поцеловал Ирину. – Во всяком случае, я делаю для этого все возможное.

А Новый год потихоньку вступал в свои права. За стеной орали соседи, очевидно, молодежь; на улице за окном запускались петарды и шутихи, громыхали какие-то разрывы. Было шумно, как тому и положено в первые часы Нового года. И казалось, что в новом году обязательно случится что-то особенно хорошее и невероятно радостное, чего мы все так долго ждали.

Мы с удовольствием допили шампанское в бокалах, отведали разных закусок, приготовленных в таком невероятном количестве, что их хватит на ближайшие несколько дней. Немного посмотрели телевизор, где вырабатывали (вернее, отработывали) веселье и юмор хорошие и не очень артисты... Нет, сиденье за столом и тупое глядение в телевизор особой радости не доставляло.

– Хочешь прогуляться? – предложил я.

– Нет, – ответила Ирина. – А ты?

– Я как ты.

– Вот и правильно...

Она встала со своего места, подошла ко мне и села на колени. Этого было достаточно, чтобы перевести мысли в лукавое направление. А потом... Потом мы спали. Сначала в переносном, а потом, притомившись, и в прямом смысле. Причем какое из этих действий заняло больше времени – еще большой вопрос...

Человек в определенные моменты жизни всегда от чего-нибудь зависим. Сначала он напрямую зависит от родителей: они его поят, кормят, одевают и направляют его жизнь по определенному руслу. Не всегда, кстати, выбранному ими лично...

Параллельно вступают в действие заведенный порядок и традиции. В плане того, что надо ходить в садик, потом в школу, институт или университет... Чтобы, стало быть, сделаться грамотным, образованным, востребованным в избранной профессии и просто Человеком (хотя это всегда очень сложно). Потом *приходит время* выбирать для себя девушку, жениться на ней и заводить детей. После чего человек часто попадает в необратимую зависимость от семьи, ведь он за нее несет ответственность, он должен, обязан и тому подобное...

Человек зависит от начальника, который дает ему работу, зарплату, премии, а может взять и уволить. Даже без объяснения причин, просто потому, что ты ему разонравился или у него паршивое настроение; из-за того, что с утра его обозвала «козлом» жена, и ему очень хочется на ком-нибудь отыграться.

Человек зависит от ветра и дождя, зноя и холода и прочей непогоды, плохо влияющей на его сосуды, от своего старенького автомобиля (заведется он или нет), от дорожных ситуаций, настроения кондуктора в автобусе, вахтера на проходной и кассира в магазине.

Зависит даже вон от той дряхленькой бабки, что, согнувшись в три погибели, волочит нагруженные сумки и натуженно охает. Поскольку, если человек порядочный и с Богом в душе, он непременно поможет этой бабке донести сумки хотя бы до подъезда ее дома, потеряв при этом личное время, которого и ему самому ох как не хватает.

Много еще от чего и от кого зависит человек. Он как бы привязан к определенным обстоятельствам или конкретному месту. Как бы закреплен в определенную систему координат. Такое случается надолго. А с кем-то и навсегда. Если взять конкретно меня, то вот уже полтора года я прямо-таки фатально привязан к одному из районов Восточного административного округа Москвы, а именно – к Измайлово. Вот, посудите сами. В июле прошлого года я вел журналистское расследование убийства председателя Общероссийской общественной организации «Контроль народа» Василия Николаевича Масловского. Его личный секретарь проломил Масловскому череп в двух местах (второй раз насквозь) пожарным ломиком на площадке пятого этажа конгресс-отеля «Сфера», что находился в... Измайлово. Затем в августе я расследовал так называемое групповое отравление жителей Измайлово кисломолочными продуктами из продуктового магазина «Изобилие» на Измайловском бульваре. Ходил по клиникам и больницам, беседуя с отравившимися пациентами и пытаюсь связать множество нитей этого странного и таинственного дела воедино. В ходе расследования этого дела я и познакомился с Марьей Афанасьевной Федосовой, позже попросившей меня помочь ее непутевому брату Паше Кочеткову, тем самым *подкинув* мне дело об убийстве Ады Крохиной, супруги начальника Государственной инспекции по надзору за объектами недвижимости Москвы Юрия Сергеевича Крохина. Расследование этого убийства вылилось в конце декабря прошлого года в «дело частного детектива Артура Ивановича Киприани», связанное с убийствами двух женщин опять-таки в районе Измайлово. «Дело Киприани», как и предыдущие, мне удалось расследовать и довести до устраивающего меня конца. И вот теперь – новое убийство. Уже непосредственно в лесопарковой зоне Измайловского парка.

Что же такое произошло – появился новый «измайловский маньяк»? Или это вернулся после психушки старый, принявшийся за прежние дела?

Но – все по порядку...

Глава 2

Труп в Измайловском парке, или Будет людям счастье, счастье на века...

Наше примирение с Ириной, случившееся перед самым Новым годом, вылилось в нечто серьезное: до конца новогодних каникул она решила остаться у меня. Она будто заглаживала свою вину. Мы прекрасно проводили выходные дни: просто и безо всякой цели прогуливались по городу, блуждали по аллеям московских парков, заглядывали на модные выставки, посещали концерты известных исполнителей, не пропускали премьеры фильмов. Пару раз посидели в дорогих ресторанах, вкушая изысканные яства и дорогое вино и наслаждаясь эстрадными представлениями артистов.

Разговора о замужестве я больше не заводил. Ирина, поначалу немного напряженная и ожидавшая продолжения наших тяжеловесных бесед, приведших тогда к разрыву, расслабилась и окончательно успокоилась. А я, не то чтобы унялся и безоговорочно принял ее сторону, просто решил не торопить события, поскольку в жизни бывают такие ситуации, которые лучше пустить на самотек и подождать, когда они сами собой разрешатся, нежели форсировать их решение. Тем более что такие решения часто бывают ошибочными и еще более усугубляющими имеющуюся ситуацию... Это как тяжелая болезнь, которая может привести к еще большим осложнениям.

В сочельник, шестого января, когда мы с Ириной еще спали, нас разбудил телефонный звонок. Странно, но звонил шеф. Нечасто он меня тревожит лично, тем более по утрам, да еще по праздникам.

– Я выслал за тобой машину, – произнес он тоном телевизионного диктора, сообщаящего, что Волга впадает в Каспийское море.

– Зачем? – спросил я, ничего не соображая со сна.

Конечно, я подозревал, что Гаврила Спиридонович ко мне хорошо относится, но, признаюсь откровенно, никак не думал, что Рождество он решил провести со мной.

– Затем, что ты сейчас быстренько соберешься и поедешь в Измайловский парк, – безапелляционно сказал шеф.

– А это еще зачем? – понемногу пробуждался я. Похоже, что праздник получится несколько скомканный. – Там праздник, что ли, какой-то намечается?

– Там произошло убийство. Судя по тому, что мне рассказал мой источник информации, дело будет непростым и уж точно резонансным! И нашему телеканалу оставаться в стороне никак нельзя. Надеюсь, ты меня понимаешь...

– Понимаю, Гаврила Спиридонович. – Я уже отошел ото сна и посмотрел на Ирину, которую тоже разбудил звонок.

– Постарайся снять там все, что можно и чего нельзя... Ну, не мне тебя учить, ты сам прекрасно знаешь, как проделать все наилучшим образом, – продолжил шеф голосом безжалостного кровавого диктатора, пожелавшего свежей журналистской плоти. – Я задумал новый цикл передач.

– И что за передачи? – нейтральным голосом спросил я, отыскивая взглядом свою одежду.

– Называться цикл будет «Возвращение «измайловского маньяка». А#, каково тебе! Здорово придумано?

– Звучит зловеще. Это что-то из фильмов ужасов.

– Ты хорошо понял мою мысль. Мы с тобой на одной волне. Первая сорокаминутная передача должна выйти максимум в первую рабочую пятницу, так что материала к этому

времени должно быть собрано достаточно, чтобы она получилась захватывающей, интересной и побуждающей зрителя смотреть полностью весь цикл.

– По нарастающей то есть.

– Можно сказать и так. Для тебя имеется еще одна задача: собери все, что известно о так называемых «измайловских маньяках». Кажется, их было не один и не два... В этом парке, наверное, какая-то аномальная зона... Так что выдай мне полную историю о маньяках-убийцах, маньяках-насильниках и прочих извращенцах, что орудовали в Измайловском парке или на его месте, когда такового парка еще не было...

– Мысль понял, – ответил я, надевая рубашку. Получалось плохо, одной рукой вообще пуговицы неудобно застегивать.

– Сначала мы расскажем об этом новом убийстве в парке, а потом дадим исторический экскурс в тему об «измайловских маньяках»... Такой я вижу первую передачу цикла. А в последующих передачах ты будешь освещать шаг за шагом весь ход твоего журналистского расследования. Сколько всего получится передач в цикле, будет зависеть от полученных фактов и накопленного материала. И считай, Старый, что зимние каникулы для тебя закончились...

– Я это уже понял.

– Вот и отлично!

– А Степа как? – спросил я, надевая штаны. Телефон при этом едва не выскользнул из рук.

– Степа уже в машине, – отрубил шеф.

Я оделся и прошел на кухню. От новогодних салатиков ничего не осталось (и почему в Новый год всегда нападает такой жор!), поэтому я сварил кофе и сделал пару бутербродов с тонким слоем сливочного масла и красной икрой, которой оставалось еще почти половина баночки. Когда я заканчивал приготовление второго бутерброда (для Ирины), щедрой рукой стараясь покрыть икрой всю площадь ломтика булки, на кухню вошла Ирина. Она была полностью одета, оставалось только накинуть шубку, и можно было выходить на улицу. Я удивленно взглянул на нее и получил ответ, состоявший из вопроса:

– Я поеду с тобой, можно?

– Может, лучше съездишь к маме? – осторожно предложил я.

– А мамы нет дома, – немного ехидно улыбнулась Ирина. – Она пробудет в Саратове до одиннадцатого января, так что ехать мне просто не к кому. Кроме того, я просто хочу быть с тобой, куда бы тебя ни занесла твоя репортерская судьба...

Ее взгляд был абсолютно серьезным. И правда, чего ей делать дома в праздники одной? На меня вдруг накатила лирика, и я громко запел:

– Я#а хочу быть с тобо-ой,
Я#а хочу быть с тобо-ой.
Я так хочу быть с тобо-ой,
Я#а хочу быть с тобо-ой,
И я буду с тобо-ой...

Подражание голосу Бутусова мне удалось не очень. Мне вообще не удаются песни, где нужно тянуть голосом, это не мой конек. Я закончил петь, посмотрел в глаза Ирины и сказал:

– Ладно, поехали. – И добавил: – Но только если в машине будет место.

Мы едва успели доесть бутерброды, как позвонил Степаньч и сказал, что они уже ждут у подъезда.

Место для Ирины в машине нашлось...

Даже если бы его не было, я бы посадил ее на колени, правда, она этого не знала.

Степаныч довез нас до места, где можно было на законных основаниях припарковать машину, а дальше по Измайловскому парку мы пошли пешком. Степа уверенно вел нас с Ириной сначала по главной аллее, потом мы свернули на так называемый Измайловский проспект, прошли немного вдоль трамвайных линий, вошли на территорию «луна-парка», повернули налево и оказались в самой запущенной части парка. Похоже, мой неизменный оператор Степа либо знал этот парк, как двор собственного дома, либо получил подробный план маршрута от нашего незабвенного шефа.

Какое-то время мы шли по глубокой и хорошо утрамбованной лыжне, пока наконец не уперлись в полосатую заградительную ленту. За ней кучка людей рассматривала что-то лежащее на снегу недалеко от замерзшего болотца. Само болотце мы видели, а вот что лежало на снегу – не очень.

– Начинать снимать, – коротко сказал я Степе. И услышал еще более короткий ответ:

– Уже...

Мы потопали вдоль полосатой заградительной ленты, приближаясь к взволнованной группе людей. Пройдя еще несколько шагов, остановились, поскольку отсюда было видно, что лежало у болотца на снегу – труп девушки в синих джинсах и куртке. Толстый белый свитер на ней был задран, тело испещрено многочисленными ранами. Судмедэксперт, похоже, уже сделал свою работу и теперь спокойно покуривал в сторонке. Старший оперативно-следственной группы опрашивал свидетеля, оказавшегося первым на месте преступления и вызвавшего полицейских. Им был суховатый пожилой человек в синих спортивных штанах, в зеленом, наполовину расстегнутом пуховике и синей олимпийке с надписью «СССР» на груди и белыми полосками на воротнике. На голове пожилого спортсмена была надета синяя лыжная шапочка с помпоном. В руках он держал лыжные палки. Третий из группы стоял к нам спиной и что-то усиленно писал, прислонившись к стволу дерева, к другой стороне которого были прислонены лыжи старика-«олимпийца». На нас пока никто не обращал внимания. Оно и к лучшему.

Мы сделали еще шаг, другой...

Старший группы, обернувшись на хруст снега, с недоумением посмотрел на нас:

– Кто это? Откуда? Почему они здесь?

– Мы представляем телеканал «Авокадо», – бодро заявил я. – И мы делаем свою работу. Так же, как и вы...

– Работу?! Вы?! Делаете?! Как мы?! – натурально взвился старший оперативно-следственной группы. – Кривуля, а ну-ка разберись с этими *работягами*...

Тот, что писал, прислонившись к дереву, обернулся, сложил бумаги, сунул их в дерматиновую папку, злобно вжикнул замком и направился к нам. Его взгляд был спокоен, чист и неподкупен...

– А что вы скажете на то, когда увидите, что у меня имеется официальное разрешение? – громко произнес я, обращаясь к старшему.

– Покажите, – безапелляционно ответил он.

Человек с чистым и неподкупным взглядом остановился и посмотрел на меня в упор.

– Да без проблем, – сказал я, ничуть не смутившись, подлез под оградительную ленту, прошел мимо сотрудника с чистым и неподкупным взглядом и неторопливо направился к старшему группы, не забывая все примечать и фиксировать в памяти. Подойдя к нему вплотную, демонстративно залез во внутренний карман, достал свое зеленое удостоверение члена Международной федерации журналистов IFJ и раскрыл его: – Вот, взгляните...

Несколько секунд он внимательно всматривался в мое удостоверение, этого времени мне хватило, чтобы разглядеть труп девушки вблизи. Он лежал на самом бордюре замерз-

шего болотца. Это была еще недавно весьма миловидная девушка лет двадцати двух – двадцати пяти, рыжеволосая, связанная широким скотчем по рукам и ногам. Куртка розового цвета на ней была расстегнута, джинсы также расстегнуты и приспущены, черные колготки порваны, белый свитер и черный бюстгалтер задраны на шею. На груди и животе девушки виднелись многочисленные темные порезы, не смертельные на первый взгляд, но вот посиневшее лицо жертвы явно указывало на асфиксию, то есть удушение, отчего, по всей вероятности, и наступила смерть. Девушка, похоже, отчаянно сопротивлялась, на что указывали сломанные ногти и несколько гематом на теле...

– Что *это*? – вывел меня из оцепенения голос старшего следственно-оперативной группы.

Я посмотрел на свою корочку и не без гордости ответил:

– Это – международное удостоверение журналиста, самое что ни на есть настоящее. Штаб-квартира находится в Брюсселе, там и телефончик записан. Так что можете позвонить туда и спросить про меня, если не верите.

– А разрешение, о котором вы говорили, где? – последовал следующий вопрос.

– Да вот же, здесь все написано... – Я взял из рук полицейского удостоверение, раскрыл его и зачитал вслух: – *«Удостоверяем, что владелец настоящей карточки является профессиональным журналистом, и просим все органы власти, – тут я пропустил несколько слов («а также партнерские журналистские организации») оказать необходимое содействие держателю карточки в выполнении им профессиональных обязанностей»*. И по-английски тоже написано. Можете прочитать.

Я дружески улыбнулся полицейскому, дескать, все нормально, приятель. Теперь мы можем вместе работать, и никакие обстоятельства уже не помешают нашей теплой дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству. Но старший следственной группы все понимал иначе, и вместо ответной улыбки его лицо слегка перекосило от раздражения. Теплой дружбы, похоже, у нас не получилось... А значит, не будет и совместного распития спиртных напитков.

– И что? – посмотрел он на меня без особой нежности.

– Как это «и что»? – искренне (как мне показалось) удивился я. – Вы должны...

– Ничего я вам не должен, – не дал договорить мне старший опергруппы. – Прошу вас немедленно покинуть место преступления и не мешать проведению следственных действий. Кривуля, помоги гражданину журналисту покинуть место преступления... Ты у нас здоровенный, силенок у тебя хватит.

Человек с чистым и неподкупным взглядом, каковые нередко приходится видеть на плакатах, подошел ко мне и крепко взял меня за локоть.

– Как скажете, – не стал я спорить и резко высвободил локоть, после чего взгляд у Кривули перестал быть спокойным и чистым.

– Конечно, будет именно так, *как я скажу*, – с оттенком презрения произнес старший группы.

Впрочем, удивительного в этом ничего не было: не любят органы правопорядка, когда в их дела суют нос журналисты. Особенно тогда, когда дело только началось или пробуксовывает...

Тем же путем я двинулся назад, пролез под оградительной лентой, подошел к Степе и Ирине и нарочито громко спросил:

– Степа, ты все заснял?

– Все, – так же громко ответил Степа.

– А вы, баронесса фон Шлиппенбах, видели, как обращаются наши правоохранительные органы с прессой? – спросил я еще громче, чтобы расслышал старший группы и тот, взгляд которого перестал быть чистым и спокойным.

- Ja, ich sah¹, – отлично подыграла мне Ирина, неожиданно ответив по-немецки.
- Вот и славно. Все это я обязательно вставлю в свою новую передачу, – опять-таки громко резюмировал я, после чего мы отошли в сторонку и притаились за деревьями.
- Мы чего-то ждем? – спросила Ирина, когда прошло минут десять-двенадцать.
- Да, – ответил я. – Мы ждем дедушку-спортсмена, чтобы задать ему несколько вопросов.
- Он не станет с нами разговаривать, – вполне резонно заметила она, – поскольку терпеть не может современное телевидение, впрочем, как и многие *советские* старики.
- Согласен, – подал голос Степа.
- И я согласен, – кивнул я. – Но кто говорит, что мы будем спрашивать его об убийстве девушки?

Наконец пожилого спортсмена-олимпийца отпустили восвояси, и он с видимым облегчением покинул загороженную территорию, а затем, надев лыжи, направился прямо на нас. Когда он оказался шагах в пяти-шести, мы вышли из-за деревьев, как несколько Дубровских. Но пистолетов мы на старикана не наставили, поскольку их у нас не было.

– Здравствуйте, мы представляем спортивное общество «Динамо», – произнес я за всех, пытаясь импровизировать, – и делаем для него передачу о наших ветеранах-спортсменах, в которых жив, так сказать, дух победы и азарт социалистических соревнований в бассейнах, на беговых дорожках, катках и лыжных трассах нашей необъятной Родины. – Старик понимающе кашлянул. – Нам кажется, что вы как раз из плеяды тех людей, которые не пасуют перед стремительно убегаящим временем и обстоятельствами и продолжают заниматься спортом и физической культурой, несмотря на преклонный возраст и смену политического вектора в нашей стране.

– Политический вектор в нашей стране всегда один! – внушительно произнес старикан, отставив лыжные палки в стороны и потрясая сжатыми кулачками. – Это – мир во всем мире и социальная справедливость... Даешь равенство всех перед законом! – пафосно, но на полном серьезе гаркнул он и стал натурально сыпать лозунгами... – Казнокрадов и мздоимцев – в тюрьму пожизненно, с полной конфискацией имущества. Коррупционированных чиновников и продажных представителей органов правопорядка – в самую далекую Сибирь! В секретные шахты! На разработку урановых руд! У нас там на всех места хватит! Сибирь, она большая!

– Проституток, спекулянтов и прочих проходимцев – за сто первый километр! – понимающе поддержал я старика.

– Насильникам и убийцам – высшая мера социальной защиты: расстрел! – продолжил старикан-«олимпиец», одобрительно глянув в мою сторону, видимо, принимая за родственную душу. – За мужеложество и растление малолетних – расстрел! За хищение государственной собственности в особо крупных размерах – расстрел!

– Ленин и теперь живее всех живых, – вспомнив интернетовскую утку о том, что тело Ленина в Мавзолее время от времени двигается и приподнимается, безапелляционно заявил я.

– Народ и партия – едины! – разжала губки Ирина, фанатично округлив глаза и выбросив вверх сжатый кулачок.

– Сотрем грань между городом и деревней! – подхватил густым басом Степа Залихватский из-за камеры и несколько театрально тоже выбросил вверх сжатый в приветствии кулак.

– Но пасаран! – боевито откликнулся дед.

¹ Да, я видела (нем.).

Наверное, если бы за нами кто-нибудь наблюдал, то наверняка подумал бы о том, что в заброшенной части лесопарка происходит «январка» (не «маевка», естественно) революционно настроенных граждан или сборище законченных придурков разных возрастов, место коим в психиатрическом диспансере.

А старик-«олимпиец» был поистине несказанно рад, что встретил единомышленников. Его глаза искрились и блестели, тело получило значительный заряд бодрости, которой ему и так было не занимать (он как будто бы даже помолодел лет на тридцать!). Выкрикиваемые нами лозунги взбодрили и нас, и мы вчетвером возбужденно смотрели друг на друга и заговорщицки улыбались. Хотелось взять винтовку Мосина, прицелиться четырехгранный штык к стволу и бежать штурмовать Александровское военное училище, занятое офицерами и юнкерами. Видеокамера у Степы всю работала.

– А я думал, ребятки мои дорогие, что за нами – выжженная земля, – удовлетворенно-радостно произнес старик-«олимпиец». – Ан нет, и среди молодого поколения имеются продолжатели нашего правого дела. Нет, – потряс он кулачками, – еще не все души людей русских осквернены стяжательством, гонкой за комфортом и разного рода сомнительными удовольствиями, что пропагандируют пидарасы разных мастей с экранов телевизоров, страниц желтых газетенки и всяких там паскудных журнальчиков. Гляньте, что в Австрии-то делается! Бородатая баба поет!

Старик на время замолчал, с явным удовольствием оглядывая нас. Мы тоже во все глаза смотрели на бодрого старичка, примерно так, как дети младших классов смотрят на макеты доисторических животных. На вид «олимпийцу» было больше восьмидесяти лет, а может, и все девяносто. Потом он спросил:

– Вы сами-то спортсмены?

– А то! – снова за всех ответил я. – Спорт – это жизнь! Все как один на золотой значок «ГТО» сдали!

– Это вы молодцы! А почему не на лыжах? Вон какой день! Самое время на лыжню!

– У нас сегодня рабочий день, – сказал я.

– Работать – на-а#адо, – наставительно произнес старикан. – Возрождать экономику, разрушенную предателями и ставленниками мирового империализма и внешними врагами России. Поднимать село и деревню. Двигать образование и науку. Никто за нас, ребятки, этого не сделает. А как вы относитесь к коммунистической партии?

– Благоговеем, – ответил я.

– А к Леониду Ильичу? – снова спросил старик несколько осторожненько.

– Леонида Ильича Брежнева мы считаем самым выдающимся деятелем мирового значения второй половины двадцатого века, – произнес я с несказанной гордостью, – принесшим нашей Родине два десятилетия спокойной и созидательной жизни.

– Достойные слова для такого молодого человека, – похвалил меня старик-«олимпиец».

– Спасибо, – скромно проговорил я и тут же поинтересовался: – А вы часто совершаете такие лыжные прогулки, как сегодня?

– Часто, – с гордостью ответил дед и добавил: – Когда зима. А летом я бегаю трусцой.

– Здорово! – вполне искренне произнес я и решил, что старикан настроен вполне доброжелательно, а значит, пора приступать к делу. – Мы видели вас у болотца, общающимся с каким-то мужчиной. Он что, тоже спортсмен?

– Нет, он милиционер... Тьфу, полицейский, – поправился дедушка-«олимпиец» и проворчал: – Вот ведь выбрали словечко для наших правоохранительных органов. Был бы верующий, так перекрестился бы.

– Согласен с вами, – снова искренне поддакнул я. – Айн, цвай, полицай...

– Вот именно, – закивал старик, – вот именно. Полицаями в Великую Отечественную войну называли изменников Родины, которые перешли на службу к немцам...

– А что тому полицейскому было от вас нужно?

– Он спрашивал меня про убитую девушку. Что творится, что творится... – помрачнев, скорбно покачал головой «олимпиец». – Вот до чего довела страну эта гнилая демократия: маньяки, убийцы, насильники, ворье разных мастей, олигархи. Раз демократия, значит, все можно. А таких стрелять надо...

– А вы что, знали убитую? – спросил я с удивлением и надеждой.

– Да, – просто ответил старик. – Она работала продавцом в кафе «Берлога». Того, что стоит между парком аттракционов и «луна-парком». Правда, эта «Берлога» как бы не совсем кафе. Нет официантов, зато нет и этого проклятого алкоголя, ведь на аттракционы и в «луна-парк» ходит много детей и подростков. Скорее «Берлога» – это что-то среднее между столовой и кулинарией. И там очень хорошие пирожки с картошкой и лучком зеленым...

– А вы случайно не знали, как звали ту девушку? – осторожно поинтересовался я.

– Ну, как не знал, зна-а#ал, – протянул старик. – Ее звали Лариса. Я и прежнюю продавщицу знал, что до нее в «Берлоге» работала, Санию. Тоже была рыженькая, татарочка. Мы ее звали Соня.

– «Мы» – это кто?

– Спортсмены со стажем, – улыбнулся старикан. – Например, у меня спортивный стаж шестьдесят два года.

– Не может быть! – неподдельно поразился я. – А у ваших товарищей тоже такой же стаж в спорте?

– Ну, например, у Володьки Шапошникова спортивный стаж – пятьдесят пять лет. Володька был в свое время мастером спорта по легкой атлетике. В длину прыгал. Тренировался, кстати, вместе с нашим многократным чемпионом Советского Союза Игорем Тер-Ованесяном, который первый в Европе преодолел рубеж в восемь метров. Замечательный был мастер. И человек хороший. Вы, наверное, такого и не знаете.

– Не знаю, – откровенно признался я.

– А еще в нашей *команде* есть Зина Воскобойникова и Ваня Голутвин. Зинаида Игнатьевна имеет звание Героя Социалистического Труда. В прошлом она – бригадир племенного совхоза «Красные зори», что в Калужском районе. Потом высшим руководством страны была переведена в Москву, работала в аппарате Бюро ЦК КПСС по РСФСР. А Ваня Голутвин в прошлом – ученый-физик. Никогда не пил и не курил. И даже не слышал ни о каких там наркотиках. Кстати, как и я. Не было в советской стране наркоманов, кроме некоторых отщепенцев. И то, что они наркоманы, никто не знал, кроме врачей. Да... Но Ваня предпочитает коньки. Часто катается на здешнем катке. Но и на лыжню вместе с нами, бывает, выбирается.

– Ну вот, вашу команду благодаря вам я уже знаю, – сказал я. – А вас как зовут?

– Меня зовут Николай Васильевич Сахнин, – представился старик-«олимпиец». И из всей своей биографии озвучил только ее конечный результат: – Бывший персональный пенсионер республиканского значения. Ныне пенсионер на общих основаниях, – добавил не без горечи и обиды. – Вот такие пироги...

– А меня зовут Аристарх Русаков. Человека с видеокамерой зовут Степан, а... молодую корреспондентку – Ирина Пиктиримова.

– У вас хорошие русские имена... – довольно заметил старик.

– Спасибо, – почти хором сказали Ирина и Степа.

– Вот вы говорили про команду, – решил я закончить со спортивной тематикой, поскольку из всего, что было связано со стариком-«олимпийцем», вполне могла получиться отдельная передача-репортаж. – А почему вы сегодня один?

– Володька Шапошников приболел, – охотно ответил Николай Васильевич. – Переел, верно, в Новый год. А в нашем возрасте о чревоугодии следует напрочь забыть, ибо сердцу

да и желудку уже трудно качать все это... – Он вздохнул, вспомнив про возраст. – Зина Воскобойникова сейчас отдыхает в санатории. В новогодние праздники она всегда так делает: следит за своим здоровьем. И правильно, знаете, делает. Ведь в Москве воздух – сами знаете какой...

Я понимающе кивнул.

– А Ваня Голутвин, – продолжал Николай Васильевич, – поскольку сегодня вторник, катается на коньках. Видите ли, здесь по вторникам с десяти до четырех для всех пенсионеров вход на каток бесплатный. Приходится, знаете ли, экономить копеечку...

– Понятно, – констатировал я. – Стало быть, в иные дни вы катаетесь на лыжах всей командой, вчетвером?

– Да, обычно так и бывает.

– А после лыжных пробежек вы заходите в «Берлогу», чтобы немного отдохнуть, перекусить, покушать пирожков с картошкой, попить кофе...

– Чаю, – осторожно поправил меня Николай Васильевич. – Исключительно чаю с лимоном.

– Да, чаю, – поправился я. – И Лариса работала в кафе на выдаче в качестве продавца?

– Да, – ответил бывший персональный пенсионер республиканского значения.

– А как вы обнаружили ее тело? – осторожно поинтересовался я.

– Ехал на лыжах, смотрел по сторонам, природой любовался, вот и... обнаружил, – помрачнел Николай Васильевич. – Ну и, конечно, сразу позвонил в мили... в полицию. Жаль, такая хорошая девочка была. И у каких же гадов ползучих поднялась рука на нее? Да еще, никак, и насильничали, паскуды! – Старик судорожно сглотнул и скрипнул зубами. – И ножиком изрезали всю: шею, грудь, живот... Расстреливать таких надо без всяких поблажек! А лучше – вешать прилюдно, чтоб другим неповадно было. Как раньше делали, чтобы боязнь у людей была, что можно делать, а чего нельзя. Под страхом смерти...

– Так, может, это новый маньяк в парке завелся? – предположил я. – Или старый вернулся...

– Маньяк не маньяк, а расстреливать таких все одно нужно, – продолжал стоять на своем неугомонный старик. И я был с ним полностью согласен.

– А вы не знаете, как давно Лариса работает... работала в «Берлоге»? – спросил я после короткой паузы.

– С полгода точно, – ответил Николай Васильевич.

– А до нее была Сания?

– Да. Они обе нам нравились: добрые, приветливые. Увы, такие качества у молодежи теперь совсем нечасты. Теперь наглость, нахальство, беззастенчивость – вот что в почете! Вот что помогает им жить и расталкивать локтями честных, порядочных и совестливых... А почему вы спрашиваете про этих девушек?

– Просто мы намерены после интервью с вами зайти в это кафе и перекусить, – быстро нашелся я.

– А###а, – протянул Николай Васильевич. Потом заговорщицки оглянулся и сказал: – Может, споем нашу, любимую? – И, прокашлявшись, бодро затянул:

– Будет людям сча-астье,
Счастье на века-а;
У Советской вла-асти
Сила велика!
Сегодня мы не на пара-аде,
Мы к коммуни-изму на пути-и.
В коммуни-ти-че-ской брига-аде

С нами Ле-енин впереди-и...

Тут уже подключился и я:

– В коммунистической бригаде
С нами Лени-ин впереди-и!

Прощались мы с Николаем Васильевичем очень тепло. Несмотря ни на что, старик был весьма симпатичным. А, главное, искренним. И еще доверчивым, как и большинство людей его поколения. То есть они не носили масок на всякие разные случаи жизни, как делает это большинство сегодняшних наших граждан. В том числе и ваш покорный слуга...

– О спорт, ты – жизнь! – сказал нам на прощание старик-«олимпиец» и покати́л себе по лыжне в направлении стадиона «Трудовые резервы»...

Глава 3

Интервью-допросы в кафе «Берлога», или Полный экскурс в историю «измайловских маньяков»

После разговора со стариком-«олимпийцем» мы взяли с собой Степаныча и отправились в «Берлогу»: перекусить, а заодно и расспросить тамошний персонал про продавщицу Ларису. Теперь уже бывшую продавщицу...

Кафе «Берлога» мало походило на кафе. Вернее, походило, но на кафе советских времен (не зря же оно нравилось старику Сахнину и его престарелой команде): народ в начале раздаточной линии из нескольких прилавков брал подносы и инструменты в виде ложек и вилок (ножей не имелось), затем, двигаясь вдоль прилавков к их концу, набирал себе на подносы выбранные салаты, холодные закуски, выпечку и, согласно меню, заказывал горячие блюда, которые выставляла им продавщица. В самом конце раздаточной линии стоял громоздкий кассовый аппарат, за которым сидела кассирша, которая, глядя на пищу, расставленную на подносе, высчитывала ее стоимость. После чего клиент расплачивался, забирал поднос и начинал выискивать свободные места за пластиковыми столиками.

Народу в «Берлоге» было не много, но и не мало. Как только столики освобождались, их тотчас занимали страждущие покушать, даже не дожидаясь, пока со столов уберут посуду.

– Ты определилась, что будешь брать? – спросил я Ирину, когда мы встали к прилавкам.

– Я что-то не очень хочу есть, – ответила она. – Наверное, возьму салат и королевскую ватрушку с чаем.

– Я сам тебе возьму, – отозвался я, внимательно оглядывая зал. – А ты пока займи нам столик. Вон тот, в самом углу сейчас освободится.

– Хорошо, – кивнула Ирина и вышла из очереди. Когда облюбованный мною столик освободился, она тотчас села за него, а на соседний стул положила свою сумочку. Это означало, что данный столик уже «занят».

Степаныч заказал себе солянку и мясное рагу. Степа взял солянку и картофель с котлетой. Я взял себе куриную лапшу и плов, а Ирине – салат и королевскую ватрушку. На третье мы все взяли себе чай.

Для столовой блюда оказались приготовленными весьма неплохо. И стоили недорого. Прямо, как в советские времена.

– Королевская ватрушка – ну, просто чудо! – сказала Ирина, покончив с салатом.

– Seriously? – посмотрел я на нее.

– Абсолютно. Хочешь попробовать?

– Давай.

Она протянула мне ватрушку, и я, перегнувшись через стол, откусил небольшой кусочек, который почти мгновенно растаял у меня во рту, оставив приятный твороженно-сладкий вкус.

– Ну как? – спросила она.

– Замечательно, – искренне ответил я.

– Хочешь еще? – спросила Ирина.

– Нет, спасибо. Знаешь, надо как-то выразить свою благодарность руководству кафе.

По поводу ватрушки и прочих блюд.

Когда мы поели, Степаныч пошел к машине, а мы со Степой и Ириной подошли к кассиру.

– Нам очень понравилась королевская ватрушка, и мы хотели бы лично поблагодарить директора вашего кафе и шеф-повара, – произнес я. – Это возможно устроить?

– Наверное, – улыбнулась кассир. – Подождите минуточку, пожалуйста. Я сейчас спрошу.

Она встала со своего места, прошла на кухню, скоро вышла вместе с крашеной блондинкой неопределенного возраста, наверное, лет около сорока или чуть больше. У блондинки было чистое белое лицо без единой морщинки и ярко покрашенные тонкие губы, контрастирующие с подведенными черными бровями. Серо-голубые глаза смотрели внимательно и серьезно.

– Я директор этого кафе, – оглядев нас, объявила женщина грудным контральто. – Зовут меня Тина Шацкая. Вы хотели меня видеть?

– Да, – за всех ответил я, обозначая тем самым, что я среди нас троих самый главный. – Мы хотели поблагодарить вас за прекрасную королевскую ватрушку. Это просто объедение. И весь обед у вас был очень вкусный. Что, признаться, явилось для нас неожиданностью...

– А вы полагали, что наше кафе – это обычная забегаловка? – ухмыльнулась Тина Шацкая. – Где абы как готовят и попросту надувают посетителей?

– Мы, конечно, не думали так прямолинейно, – улыбнулся я, – но, честно говоря, отнюдь не предполагали, что будет *так* вкусно, по-домашнему, и причем совсем недорого.

– Что вкусно, так это заслуга нашего шеф-повара, он у нас настоящий мастер, – обозначила короткую дежурную улыбку директриса «Берлоги». – Я ему обязательно передам ваши слова. Ему будет приятно.

– А то, что недорого, – это уже ваша заслуга, не так ли? – не без нотки лести произнес я.

– Ну-у... – неопределенно протянула Шацкая и замолчала.

Я не стал настаивать на более конкретном ответе и решил, что настала пора обозначить свою цель:

– Клементина... Простите, как вас по отчеству?

– Просто Клементина. А лучше – Тина, – ответила Шацкая.

– Тина, скажите, а как вы посмотрите на такое предложение, если мы попросим вас дать нам интервью? Простите, мы не представились, – как бы спохватился я. – Меня зовут Аристарх Русаков. Я – руководитель телевизионного проекта, которым мы в данный момент занимаемся. Это, – указал я на Степу, – мой оператор Степан Залихватский. Тоже большой мастер своего дела. И, – обернулся я к Ирине, – наша... молодая телевизионная журналистка-стажер Ирина Пиктиримова. Вместе мы представляем телеканал «Авокадо», весьма популярный у москвичей. Надеюсь, что вы нас смотрите... А наш нынешний телепроект посвящен Измайловскому парку, его прошлому и настоящему. Кстати, мы сегодня взяли интервью у одного из старейших посетителей Измайловского парка, персонального пенсионера республиканского значения и большого любителя лыжного спорта Николая Васильевича Сахнина. Знаете такого?

– Да, знаю. Он наш частый гость, – сдержанно ответила Шацкая.

– Так вот, Николай Васильевич сказал нам, что ему и его товарищам очень нравятся ваши пирожки с картошкой и зеленым луком. И качественное обслуживание в вашем кафе...

Директриса кафе на все это лишь сморгнула.

– Ну, соглашайтесь! – не давал я ей опомниться.

– На что? – подняла она аккуратно выщипанные брови.

– На то, чтобы дать нашему телеканалу интервью и тем самым принять участие в нашем новом проекте, посвященном Измайловскому парку, – бодро и с улыбкой ответил я.

– А... какие вы будете задавать вопросы? – понемногу начала сдаваться Клементина Шацкая.

– Вопросы? – удивленно пожал я плечами. – Да вопросы самые простые и обычные. К примеру, кто по большей части является посетителями вашего кафе, как долго вы уже работаете, как получилось так, что у вас вкусно и недорого, в то время как в иных кафе

и дорого, а как попробуешь, так сплунуть хочется... Может, надо будет немного рассказать, что это за работа – быть директором кафе... Поведать немного о себе, о ваших сотрудниках, о специфике их работы... – Заметив, что пара моих последних фраз привела директрису кафе в некоторое замешательство, я быстро добавил: – А потом, вы же не тупой и безграмотный чиновник из министерства культуры или образования, которому нужно подготовить вопросы, чтобы его референт мог вовремя подготовить ответы, а тот их заучить, перед тем как говорить на камеру.

– Но я... не готова... – Тина поправила прическу, и я понял, что речь идет уже о внешнем виде. – Как-то все это неожиданно. Прическа не уложена...

– Ну, об этом вы можете не беспокоиться, – заверил я Шацкую. – Вы замечательно выглядите. – И посмотрел на Ирину, призывая взглядом поддержать меня.

– О да! – нашлась она.

– К тому же наш оператор будет снимать вас только в выгодном для вас ракурсе, – добавил я успокаивающим тоном. – Он, и правда, отлично знает свое дело...

– Все равно мне нужно какое-то время, чтобы привести себя в порядок. Поговорите пока с нашим шеф-поваром, – не очень твердо сказала директриса «Берлоги».

Это практически означало согласие Клементины Шацкой на интервью. Чего я, собственно, и добивался.

Мы прошли за Тиной на кухню, где она сказала несколько слов невысокому пухлому большеголовому человеку в поварском фартуке и колпаке, после чего провела нас в свой кабинет, довольно простенько, но со вкусом оформленный. Сама Шацкая скрылась в комнате отдыха, которая, как я успел заметить, пока она открывала дверь, походила скорее на будуар девицы полусвета, что меня слегка озадачило. А где-то через минуту, пока Степа распаковывал кофр, доставал видеокамеру, настраивал ее и делал несколько планов кабинета, в него вошел тот самый пухлый человек с большой круглой головой. Только теперь он был в синих брюках, синем поварском кителе-куртке и идеально накрахмаленном белом колпаке.

– Здравствуйте, – вежливо произнес пухлый человек в поварском одеянии. – Я шеф-повар этого кафе. Меня зовут Борис Шацкий.

– Простите, а Клементина Шацкая, директор кафе, она ваша родственница?

– В каком-то смысле да... она моя жена, – скромно ответил шеф-повар, едва улыбнувшись.

– Ах, вот оно что, так кафе «Берлога», получается, ваше семейное предприятие?

– Да, мы владеем этим кафе уже три года, – не без гордости сообщил шеф-повар.

– Здорово! Теперь позвольте представиться нам. Это Степан, – указал я на оператора, и, когда Шацкий перевел на него взгляд, Степа улыбнулся и кивнул. – Это – студентка журфака МГУ Ирина. – Шацкий посмотрел на Ирину, и она тоже улыбнулась. – А меня зовут Аристарх Русаков (улыбаться я не стал). Мы представляем телеканал «Авокадо» и делаем передачу про Измайловский парк. В ваше кафе мы зашли перекусить и были приятно удивлены недорогой ценой и высоким качеством ваших блюд, особенно выпечкой. Нам очень понравилась королевская ватрушка... – Повар понимающе кивнул. – Вы в этом просто непревзойденный мастер. Собственно, все и началось с того, что мы просто хотели поблагодарить вас с супругой за вкусные и недорогие блюда. А потом возникла идея пригласить вас поучаствовать в нашей передаче. Вы ведь не против?

– А что сказала на это Клементина Арнольдовна? – задал вопрос Шацкий вместо ответа. И я понял, что главным в их семейном предприятии является Тина. И в самой семье, наверное, тоже. У некоторых супружеских пар такое бывает.

– Мы ее уговорили, – заверил я, ободряюще улыбнувшись. – Да вы не беспокойтесь, мы не отнимем у вас много времени. И пока вашей хозяйки нет, хотелось бы задать вам несколько вопросов. Вы как, не возражаете?

- Ну... давайте... – неопределенно ответил Шацкий.
- Степа, включай камеру, – произнес я для проформы.
- Хорошо, – ответил Степа. – Камера работает.

Я кивнул, покосился на Ирину, которая, кажется, поняла нашу игру и с интересом следила за происходящим, и начал:

– Мы находимся в кабинете директора кафе «Берлога» Клементины Арнольдовны Шацкой. Как видите, здесь нет ничего лишнего: каждый предмет в кабинете несет определенную функцию, что указывает на деловитость и организованность самой хозяйки кафе. Надо полагать, эти ее качества плюс профессиональное мастерство шеф-повара и делают кафе «Берлога» столь привлекательным для посетителей Измайловского парка, ведь блюда, представленные здесь, сравнительно недорогие и, главное, очень качественные и вкусные. А выпечка – просто пальчики оближешь. Скажите, – здесь я обернулся к шеф-повару, и объектив камеры уставился на Шацкого, – как вам удается готовить так вкусно?

– Я просто люблю готовить, – пожал плечами Шацкий. – А когда любишь какое-нибудь дело, то оно и получается хорошо. Верно ведь?

– Все так, – согласился я. – А еще в чем секрет?

– Еще мы не покупаем сомнительных продуктов, – ответил шеф-повар. – Даже если они очень дешевы, и нам выгодно приобрести их. Поэтому вот уже три года у нас одни и те же постоянные проверенные поставщики. – Шацкий немного подумал и добавил: – Ну, и еще мы не экономим на продуктах. Положено по рецепту сливочное масло, значит, будет сливочное масло, а не маргарин или пальмовое масло, которым хорошо смазывать конвейерные линии. Понимаете меня?

– Понимаю... – кивнул я.

В это время из будуара вышла Клементина Арнольдовна. Она была в элегантном брючном деловом костюме, надо полагать, какого-нибудь итальянского бренда, классического кроя с приталенным пиджачком и брюками, немного расклешенными книзу. Щеки ее были слегка подрумянены, что скрашивало молочную белизну ее лица и контрастность ярко-красных губ. Произошли кое-какие изменения и в прическе, делавшей лицо Шацкой более женственным и добрым. Похоже, казаться таковой было для нее важным аспектом.

– А теперь мы хотим вас познакомить с директором кафе «Берлога» Клементиной Арнольдовной Шацкой, – сказал я прямо на камеру. – И первым вопросом к ней будет такой: кто ваши посетители?

– Наши посетители – это в основном простые люди, для которых мы, собственно, и работаем, – ответила Клементина Арнольдовна, – что пришли в Измайловский парк отдохнуть и снять напряжение, накопленное за рабочую неделю... Это влюбленные пары, которые могут здесь уединиться, чтобы побыть вдвоем... Это семьи, которые привели своих детей на различные аттракционы, пожилые люди, пришедшие просто погулять, посидеть на лавочках и подышать чистым воздухом. Мы рады любым нашим клиентам...

– Мы знаем, что вы работаете уже три года, знаем, почему ваши блюда так вкусны, но не знаем, что это за работа такая: быть директором кафе, – продолжил я. – Просветите нас, пожалуйста.

– Очень часто это бывает приятно. А иногда я просто проклинаю тот день, когда приняла на себя эту должность, – начала, как мне показалось, вполне искренне отвечать Клементина Арнольдовна. – Это, без всякого преувеличения, обуза, причем очень тяжелая обуза. Ведь на руководителе точки питания лежит огромная ответственность. Он должен знать все про общественное питание: его экономику, организацию производства, способы образования цен на продукты и оплату труда подчиненных... Директор кафе и любой точки общественного питания обязан следить за документами, появляющимися в этой области, правильно управлять персоналом кафе. Я не говорю уж о поддержании санитарных норм,

противопожарной безопасности и охране труда, за что с него спрашивают очень строго, и при нарушении всех этих норм кафе могут попросту прикрыть, наложив еще при этом значительный штраф... – Шацкая слегка перевела дух. – На руководителе точки общественного питания лежит оформление большого количества разного рода документов, отчеты контролирующим организациям, приобретение продовольственных и промышленных товаров, соответствующих по качеству, ассортименту и предназначению. А контроль за использованием продуктов? А контроль за финансами? А работа с персоналом? Ведь люди все разные, у каждого свой характер, и к каждому нужен особый, индивидуальный подход, для чего должно быть достаточно знаний, навыков, терпения и, простите, нешуточных нервов...

– Мы задали несколько вопросов вашим постоянным посетителям, и они, помимо высокого качества ваших блюд, отметили еще приветливость и доброжелательность ваших сотрудников, – воспользовался я случившейся паузой. – Они работают с людьми, а люди все разные, и необязательно добрые и покладистые. Так что работа ваших сотрудников очень непростая, требующая выдержки и, как вы верно заметили, крепких нервов. Отсюда у меня вопрос: как у вас и работников вашего кафе получается оставаться приветливыми и доброжелательными к клиентам?

– Тщательный подбор кадров тоже входит в мои обязанности, как директора кафе, – чуть подумав, ответила Тина Шацкая. – Мой возраст, – она улыбнулась лишь уголками губ, – уже позволяет достаточно разбираться в людях и видеть, кто из них злой, кто добрый, кто нахал, а кто застенчив и совестлив. И, конечно, с добрыми и честными людьми работать предпочтительнее, нежели с нахалами, лжецами и людьми, склонными присваивать чужое. Кроме того, правильный подбор кадров ценен и в прагматическом плане, ведь если посетителю нахамят сотрудники кафе, то он просто не придет сюда в следующий раз, да еще отговорит от этого своих друзей и приятелей. В результате мы потеряем клиентов и соответственно их деньги. Ну, и еще я просто требую от своих сотрудниц уважительного отношения к нашим клиентам, ведь когда мы кормим их, то они кормят нас. И они нам нужны больше, нежели мы им...

– Золотые слова! – Я был доволен ходом интервью. – Вот бы все руководители точек общественного питания, да и вообще все руководители разных рангов рассуждали так же, как вы. Честное слово, нам жилось бы намного легче. Жаль, – без всякого перехода сказал я, сделав невинные глаза, – что с одной из ваших сотрудниц случилась такая беда...

– Да, жаль, – на автомате ответила Клементина Арнольдовна. И чуть прикусила губку.

– А когда вам стало известно, что одна ваша сотрудница была убита? – спросил я.

– Буквально перед вашим приходом к нам в кафе приходил следователь и расспрашивал про нее, – мельком глянув на мужа, ответила Шацкая.

– Ее ведь звали Лариса, кажется?

– Да, Лариса, – сказала Клементина Арнольдовна, заметно посмурнев.

– Посетители вашего кафе очень хорошо о ней отзывались.

– Да, она была хорошим работником, – с полным отсутствием эмоций согласилась Шацкая и вопросительно посмотрела на меня. В ее глазах я прочитал вопрос: «Зачем вы это спрашиваете?»

– А как вы думаете, кому понадобилось ее убивать? – осторожно спросил я. – И за что?

– Следователь, что приходил до вас, тоже задавал такой вопрос, – промолвила Шацкая.

– И что вы ему ответили?

– Я ответила, что не знаю, – холодно отозвалась Клементина Арнольдовна.

– Вы тоже не знаете? – обратился я к шеф-повару.

– Нет, – пожал он плечами.

– У нее был парень?

– Кажется, был, я не знаю точно, – не очень уверенно сказал Шацкий и отвел взгляд в сторону. Из чего я сделал вывод, что шеф-повар говорит не всю правду. Хотелось бы знать, почему? Боится своей супруги? Или на то у него имеются собственные основания?

– Так кажется или был? – быстро спросил я.

– Был, точно был, – более уверенно, чем муж, заявила Клементина Арнольдовна. – Его зовут Андрей. Он несколько раз заезжал за ней на своей машине.

– А какой марки у него машина?

– Простите, но наш разговор стал похож на какой-то допрос, – настороженно произнесла Шацкая и безапелляционным тоном добавила: – Давайте пусть оператор выключит камеру.

– Давайте, – охотно согласился я. – Степа, выключи камеру.

– Хорошо, – сказал Степа и демонстративно выключил камеру. Через пару мгновений он незаметно снова включил ее и стал что-то искать в кофре. Для проформы.

А я, глядя в глаза Шацкой, произнес:

– Дело в том, что руководство телеканала поручило нам снять материал про Измайловский парк. Про развлечения, которые тут можно получить зимой, про активный отдых, про спортивные занятия, в общем, про все то, что здесь имеется, чтобы по-настоящему и полноценно отдохнуть. Мы приехали, сделали несколько кадров, пошли по лыжне, надеясь взять интервью у кого-нибудь из лыжников, и увидели полицейских. Они стояли над трупом девушки. Она была полураздета и, очевидно, подверглась насилию. Тело ее было изрезано ножом, после чего убийца ее задушил. Человеком, нашедшим труп и вызвавшим полицию, оказался тот самый Николай Васильевич Сахнин, который часто посещает ваше кафе и которого, как вы сказали, вы знаете... – Клементина Арнольдовна на эти слова согласно кивнула. – Дождавшись, когда полиция его опросит и отпустит, мы получили его согласие взять у него интервью. Николай Васильевич рассказал нам много интересного, в том числе и про то, что у вас очень вкусная выпечка, после чего нам просто захотелось зайти к вам перекусить. Еще он рассказал, что знает убитую девушку, поскольку она работала продавщицей в вашем кафе где-то с полгода...

– Семь месяцев, – сдержанно поправила меня Клементина Арнольдовна.

– ...что зовут ее Лариса, и что до нее на ее месте работала Саня, которая бесследно пропала, – продолжил я. – Мы, тележурналисты, делаем передачу про Измайловский парк, и тут – убийство молодой девушки. Поймите, против такого материала мы просто не могли пройти мимо. Ведь это убийство тоже касается Измайловского парка, поскольку в нем оно произошло. И к желанию просто перекусить в «Берлоге» присоединился еще и профессиональный интерес разузнать про убийство и убитую девушку побольше. Это объяснимо, согласитесь, и вполне нормально для людей, занимающихся журналистикой. То есть, в частности, для меня. – Я перевел дух и продолжил: – Еда у вас, и правда, оказалась очень вкусной, королевская ватрушка просто настоящим кулинарным чудом, и мы решили искренне поблагодарить за вкусный и недорогой обед директора кафе и шеф-повара. То есть вас. И, насколько это возможно, разузнать про эту убитую девушку Ларису. Вот, собственно, и все. Ничего необычного и неприятного для вас тут нет и в помине. И уж, конечно, нет никакого подвоха. Так почему бы вам не ответить на наши вопросы? Тем более что вам просто нечего скрывать...

С этими словами я снова посмотрел на Клементину Шацкую ясными и честными глазами и изобразил на своем волевом и мужественном лице легкую приветливую улыбку.

– Скрывать нам действительно нечего, как вы правильно заметили, – согласно кивнула она.

– Ну вот! Так какой марки машина у ухажера Ларисы, которого зовут Андрей?

– У него черная «Шкода Йети».

- А номерной знак? Вы случайно не помните? – с легкой надеждой спросил я.
- Нет, – ответила Клементина Арнольдовна. – Хотя, погодите... Две цифры... Я помню две цифры: шесть и восемь.
- Они были рядом? – задал я уточняющий вопрос.
- Да, впереди шесть, затем восемь. Третьей цифры я не помню. Букв, увы, тоже.
- Спасибо, это уже кое-что. А как фамилия этого Андрея?
- Не знаю, – развела руками Шацкая.
- И вы не знаете? – повернулся я к шеф-повару.
- И я не знаю, – ответил он.
- А как полностью звали Ларису?
- Лариса Александровна Бекетова, – не раздумывая, ответила Клементина Арнольдовна.
- А Санию, что работала до Ларисы на ее месте и потом пропала?
- Сания Галиахметовна Хакимова. Только совсем не факт, что она пропала. Просто однажды не вышла на работу, вот и все! И в кафе больше не появлялась. Вполне возможно, что она просто вернулась к себе домой...
- А где она жила?
- В Татарии.
- В Татарстане? – поправил ее я.
- Ну да, в Татарстане. Город Буинск, – добавила Шацкая.
- А здесь где она жила?
- Вот этого я не знаю.
- А ее что, никто не искал? – поинтересовался я.
- Мы не знаем, – мельком глянула на мужа Клементина Арнольдовна. – Соня сильно подвела нас, не выйдя на работу. И главное, не предупредив нас об этом. Я лично звонила ей в тот день, причем не раз, но она так и не ответила. Я звонила на ее сотовый и на следующий день. Все безрезультатно. Вот мы и подумали, что она уехала домой.
- И в полицию не заявляли, – скорее утвердительно, нежели с вопросительной интонацией произнес я.
- Нет... Я ее просто уволила, как не выдержавшую испытательный срок, – пожалала плечами Шацкая.
- А#a, так она была у вас еще на испытательном сроке, – протянул я.
- Ну да. А что в этом особенного? Мы сначала присматриваемся к сотрудникам.
- А сколько длится у вас испытательный срок?
- Три месяца, – ответила Клементина Арнольдовна.
- А она проработала у вас...
- Два месяца с небольшим, – закончила за меня Шацкая. – Поэтому я и не знала ее московский адрес. А вот после прохождения испытательного срока сотрудник уже официально оформляется на работу. С ним составляется трудовой договор, на него заводится трудовая книжка и страховое свидетельство, если их у него нет, вступают в силу разные социальные гарантии, положенные ему, как нанятому работнику, и так далее.
- Положим, трудовая книжка заводится на сотрудника и в том случае, если он работает на конкретном предприятии пять и более дней, – вставил я. – А трудовой договор составляется сразу после приема сотрудника на работу. Разве не так? – Не дождавшись ответа, я продолжил: – А у Сании были трудовая книжка и страховое свидетельство?
- Не было, – коротко ответила Шацкая.
- А что было? – с явным оттенком сарказма спросил я.
- Были заявление о приеме на работу и медицинская справка, как и полагается в подобных случаях.

– Которые не жалко и бросить, если нужно срочно уехать, – произнес я в задумчивости и после недолгого молчания спросил: – А где жила Лариса, вы тоже не знаете?

– Почему же не знаю, знаю. – Директриса «Берлоги» сделала вид, что не замечает моего сарказма.

– Ах, ну да, Лариса в отличие от Сании все же прошла у вас испытательный срок.

– Да, прошла, – с некоторым вызовом ответила Шацкая и кольнула меня взглядом. – Она живет в Измайлово на Третьей Парковой. В смысле, жила, – поправились она.

– А точнее?

– Сейчас. – Шацкая стремительно встала, подошла к столу, достала журнал, полистав его, назвала полный адрес Ларисы: – Третья Парковая улица, дом шесть, корпус два, квартира пять. – И добавила: – Надеюсь, вы исчерпали свои вопросы? А то, знаете ли, мне работать нужно, люди ждут!

– Пожалуй, да. Хотя еще один последний вопрос: кто из ваших девочек был более-менее близок с Ларисой?

– Вы хотите с ней поговорить? – спросила Клементина Арнольдовна с затаенной неприязнью.

– Да, – ответил я.

– Это невозможно – все девочки сейчас заняты.

– А кто конкретно был дружен с Ларисой?

– Света. Она работает на кассе.

– Мне надо с ней поговорить, – сказал я. И уже более мягким тоном добавил: – Недолго, минут пять...

– За пять минут у кассы вырастет огромная очередь, – возразила Клементина Арнольдовна. – Вы же видите, сколько народу.

– Ну, так подмените ее на пять-то минут.

– Кем? – развела руками Шацкая. – С собой?

– Да, – просто ответил я.

– Мне кажется, вы забываетесь, – произнесла с возмущением директор «Берлоги».

– Действительно, – поддакнул муж. – Вы уж... это... слишком... уж как-то...

– Мы пришли к вам вовсе не изобличать и выискивать какие-либо недостатки в вашей очень полезной для людей работе, – поднялся я со своего места. – И мне казалось, что мы нашли с вами общий язык. Но если дело обстоит таким образом, что вы не желаете пойти нам навстречу и выполнить, в общем-то, совершенно невинные просьбы, то и мы не станем закрывать глаза на нарушения вами трудового законодательства Российской Федерации и финансовой дисциплины, связанные с этим вашим, так называемым, *испытательным сроком*. О чем и сообщим в надлежащие органы. Чем это все закончится, как вы думаете? Впрочем, об этом вы и сами хорошо знаете: к вам придут проверяющие, найдут указанные недостатки, и вам придется заплатить немалый штраф. Или давать проверяющим «на лапу». И, надо полагать, много. Вам это надо?

– Хорошо, хорошо, – кивнула Шацкая, испепеляя меня взглядом. – Вы можете поговорить со Светланой...

Мы все вышли из директорского кабинета. Впереди шла Клементина Арнольдовна, надменно поднимая голову. Даже глядя ей в спину, было заметно, что она кипит негодованием, ведь последнее слово осталось не за ней (как это, наверное, обычно и бывает), а за нами. За Клементиной двигался я, за мной неслышно ступала Ирина, а за ней шел невозмутимый оператор Степа, неся кофр с камерой и треногу. Шествие замыкал шеф-повар кафе Борис Шацкий, который, войдя на кухню, остался в ней.

– Света, с тобой хотят поговорить господа журналисты, – сказала Клементина Арнольдовна, подойдя к кассирше. – У тебя есть пять минут. Не больше! Ступай... – Заметив,

что Светлана не решается покинуть кассу, Шацкая добавила: – Иди же. Я пока подменю тебя...

– И курточку, пожалуйста, накиньте, – добавил я кассирше, направляясь к выходу из кафе.

Когда мы вышли, камера была уже на плече Степы. Он сделал несколько планов кафе, снял вывеску, изображающую медведя, сидящего за столом с дымящимся самоваром и закусками и с гостеприимно разведенными в стороны лапами, дескать, заходите, граждане и гражданки, мы-де, вам завсегда рады. Получилось весьма забавно. А когда я собирался задать первый вопрос Светлане, Степа быстро перевел объектив на нее.

– Вы меня снимаете? – заметила это Светлана.

– А вы против? – спросил я.

– Я... не знаю, – нерешительно сказала она. И тут же твердо добавила: – Да, я против. Я не стал спорить, кивнул Степе, что означало «Выключи камеру», и произнес:

– Светлана, вы, конечно, знаете, что произошло с Ларисой Бекетовой?

– Да, – ответила она. – Это ужасно. У меня до сих пор в голове не укладывается, как это могло случиться. И именно с ней. Ведь она была такая... хорошая...

– Клементина Арнольдовна сказала нам, что вы были друзьями с Ларисой.

– Да, мы были подругами. – Глаза Светланы мгновенно наполнились слезами.

– Поверьте, мы все, – я посмотрел на Ирину и Степу, – искренне соболезнуем вам.

Но поскольку получилось так, что мы оказались в курсе того, что... случилось с вашей подругой Ларисой, то пройти мимо этого факта мы не сочли возможным... Исходя из этого, позвольте задать вам несколько вопросов. Хорошо?

– Хорошо, – едва слышно ответила Светлана и опустила голову. – Задавайте...

– Скажите, Светлана, вы знаете молодого человека Ларисы по имени Андрей?

– Да, она нас знакомила.

– Как он выглядит?

– Он... такой... среднего роста, короткие волосы, спортивный... Обыкновенный парень, – сказала Светлана и замолчала, не зная, что еще добавить.

– У них было все серьезно?

– Я поняла... Вы знаете, поначалу мне так и казалось, – в некоторой задумчивости произнесла Светлана. – Это ведь всегда видно, если между парнем и девушкой происходит что-то, не похожее на... приязнь, скажем, или дружбу. Лариса даже светилась вся, когда он приезжал. Но в последние дни она стала его сторониться. И они даже поругались...

– А когда это произошло? – быстро спросил я.

– Четвертого, – ответила девушка. – Лариса даже отказалась сесть к нему в машину и поехала домой на трамвае...

– Вот даже как. А из-за чего они поругались?

– Я не знаю. Она не любила делиться своими неприятностями и проблемами. Только на следующий день Лариса была сама не своя. И все время хмурилась, наверное, очень переживала их размолвку.

– То есть пятого числа, перед ее... гибелью Лариса была в плохом настроении? – уточнил я.

– Да, так.

– А ее парень, Андрей этот... Он не приезжал пятого января?

– Нет, – сказала Светлана и после небольшой паузы добавила: – По крайней мере, я его пятого числа не видела.

– А как часто он заезжал за ней после работы? – поинтересовался я и пояснил: – Ну, когда у них еще были хорошие отношения?

– Почти каждый день. И несколько раз на дню звонил...

– А если он не приезжал?

– Тогда Лариса уезжала домой на трамвае. У нас ведь тут ходит трамвай. Лариса садилась на остановке «Партизанская». Она недалеко от нашего кафе, почти прямо у входа в «луна-парк» и наискосок от интерната. И ехала до остановки «Третья Парковая улица», где жила. На работу она тоже ездила на трамвае...

– А в вечер пятого января, когда Андрей не приехал, она тоже поехала на трамвае?

– Наверное, я не видела, – ответила Светлана. – Она как-то быстро собралась, попрощалась и ушла. Похоже, куда-то очень торопилась. А может, просто поскорее хотела попасть домой, чтобы никого не видеть...

– А вы сколько времени работаете в вашей «Берлоге»? – посмотрел я на девушку.

– Полтора года уже.

– Значит, вы знали Санию, что до Ларисы работала на ее месте?

– И да, и нет, – странно-то как-то ответила Светлана.

– Что значит: «и да, и нет»? Я не совсем вас понимаю.

– Ну, как вам сказать... – замялась Светлана, – я знала, что она приехала из какого-то захудалого городка в Татарстане, но что она за человек, что собой представляет, совсем не знала. Сания все время молчала и ни с кем из наших девчонок не сошлась. Может, она и не хотела ни с кем сходить, а может, просто было мало времени, чтобы с кем-то по-настоящему подружиться. Ведь она проработала у нас всего ничего: два месяца с небольшим. А потом наша директриса уволила ее за прогулы...

– Понятно, – раздосадованно произнес я. – А скажите, Светлана, каким была Лариса человеком?

– Она была добрая и отзывчивая. И была хорошей подругой – Светлана посмотрела на меня глазами, полными слез, и сказала: – Можно, я пойду?

– Да, конечно, – ответил я. – Спасибо.

– Ну, ты ас! – с восхищением произнесла Ирина, когда мы втроем топали к машине. – Как здорово сбил с директрисы спесь и заставил плясать ее под свою дудку. Это был настоящий мастер-класс. Мне у тебя еще учиться и учиться...

– Я не против, – посмотрел я на Ирину. – Учись, студент! Точнее, студентка.

– И разговорить собеседника ты можешь, как никто. Я только сегодня, наблюдая за тобой, поняла, что для этого нужно.

– И что же?

– Найти больное место и время от времени давить на него. И еще говорить девяносто процентов правды и десять процентов лжи, распределяя ее равномерно по всему тексту и делая абсолютно незаметной. Мастер, ничего не скажешь.

– Похоже, ты права. Наверное, так все и есть. Я бы не против говорить сто процентов правды, но это, увы, часто не катит... А ты молодец, – посмотрел я Ирине прямо в глаза.

– Я знаю, – на полном серьезе ответила она.

После чего мы сели в машину к Степанычу и поехали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.